

УДК 82-1

ББК Ш401.35

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

Е. В. Дзюба

Екатеринбург

**К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ МОДЕЛИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

АННОТАЦИЯ. Рассматривается вопрос о создании универсальной модели филологического анализа текста. Перечисляются основные этапы работы над поэтическим текстом. Рассматривается как содержательно-фактурный уровень стихотворения, так и метафорический, концептуально-содержательный.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аллитерация; ассонанс; хронотоп; содержательно-фактурный план; содержательно-концептуальный план; образ-символ.

E.V. Dziuba

Ekaterinburg

**TO THE QUESTION OF CREATION OF THE MODEL
OF PHILOLOGICAL ANALYSIS OF A TEXT**

ABSTRACT. The problem of creation of a universal model of philological analysis of a text is discussed. Main stages of the work with poetic texts are enumerated. Content and factual level of a poem is analyzed, as well as conceptual and content one.

KEY WORDS: alliteration; assonance; chronotope; content and factual; content and conceptual plan; image-symbol.

Вопрос о создании универсальной модели филологического анализа текста волнует исследователей уже не одно десятилетие. Разные методики анализа художественного текста предлагали авторитетные исследователи: Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова, С. А. Васильев С. А., В. В. Виноградов, И. Р. Гальперин, В. П. Григорьев, Н. А. Купина, Ю. М. Лотман, В. А. Лукин, В. А. Пищальникова, Н. М. Шанский и др.

Настоящее исследование предлагает еще одну попытку представить универсальную модель анализа поэтического текста, которая предполагает следующие этапы работы:

I. Первичное читательское восприятие текста.

1. Определение общей тональности и эмоциональности текста.
2. Гипотетическое определение темы (о чем текст) и главной идеи (что хотел автор выразить данным стихотворением).

II. Анализ историко- и социокультурного контекста произведения.

1. Анализ исторических и социальных условий (эпохи).
2. Указание на культурный контекст (учет направления, течения и т.п., в рамках которого создано произведение).
3. Описание биографических данных, которые, возможно, повлияли на создание текста.

III. Анализ языковых единиц текста на разных уровнях.

1. Анализ графического рисунка текста (при отступлении от стандартной формы).
2. Анализ фонетического рисунка (аллитерация, ассонанс), указание на особенности ритмики и рифмы. Выявление закономерностей фонетической организации стихотворения (формулировка промежуточных выводов).
3. Анализ наиболее показательных явлений текста на уровне словообразования (повторение каких-либо словообразовательных элементов; например, повторение приставки РАС- (РАЗ-) в стихотворении М. Цветаевой «Расстояние, версты, мили...»). Формулировка промежуточных выводов.
4. Анализ лексических средств (устаревшая лексика: историзмы и архаизмы, неологизмы и окказионализмы, стилистически окрашенная лексика (высокая / книжная, разговорная, просторечная, диалектная и т.п.), эмоционально-окрашенная, оценочная лексика, лексика с семантикой цвета (колористическая) и т.п.). Формулировка промежуточных выводов.
5. Анализ морфологических особенностей текста (наличие или отсутствие глагольной лексики, преобладание существительных / прилагательных (сравнительной степени прилагательных) / местоимений / числительных и т.п.). Формулировка промежуточных выводов.

6. Анализ синтаксических единиц (преобладание простых или сложных предложений / эллиптических / сравнительных и иных конструкций и т.п.). Формулировка промежуточных выводов.

IV. Анализ изобразительно-выразительных средств (аналитическое описание тропов и фигур). Определение функции данных средств. Формулировка промежуточных выводов.

V. Выявление композиционных особенностей текста.

VI. Определение особенностей хронотопа (место, время, условия действия).

VII. Формулировка авторской позиции (отношение к событиям, высказанным идеям, проблемам).

VIII. Подведение итогов.

1. Сопоставление промежуточных выводов на каждом уровне.

2. Подтверждение / опровержение выдвинутой ранее гипотезы о замысле произведения (главной идее).

В качестве иллюстрации анализа текста по данной модели можно предложить рассмотрение поэтической системы стихотворения Б. Л. Пастернака «Зима приближается».

Зима приближается

Зима приближается. Сызнова
Какой-нибудь угол медвежий
По прихоти неба капризного
Исчезнет в грязи непроезжей.

Обозы тяжелые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Россия волшебною книгою
Как бы на середине открыта.

Домишки в озерах очутятся.
Над ними закурятся трубы.
В холодных объятьях распутицы
Сойдутся к огню жизнелюбы.

И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного
И белая, как рукоделье.

Обитатели севера строгого,
Накрытые ночью, как крышей,
На вас, захолустные логова,
Написано: «Сим победиши».

Октябрь серебристо-ореховый,
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

Люблю вас, далекие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть ее задушевней.

Октябрь 1943

На содержательно-фактуальном уровне стихотворение представляется простым и понятным: автор описывает приближение зимы в России, переход природы из одного состояния в другое: от осени – к зиме (ср. *зима приближается*). Однако если говорить об особом «устройстве» поэтического языка XX века, его особом символическом плане, эффekte «остранения», который присущ поэтическому языку XX столетия (В. Б. Шкловский) и т.п., то за единицами естественного языка можно увидеть глубокий ассоциативный потенциал. Очевидно, что любой поэт, «голос эпохи», не может оставаться равнодушным к народным бедам, к трудностям, которые переносит его страна, вряд ли поэт может просто созерцать природные явления, когда народ оказывается в опасности. Вероятно, стихотворение Б. Пастернака имеет также некий «подтекстовый» уровень, уровень более глубокого осмысления действительности. Таким образом, в данном тексте за содержательно-фактуальным планом произведения необходимо увидеть содержательно-концептуальный (о разных уровнях смысла текста см. Гальперин И. Р., Бабенко Л. Г. и др.).

Стихотворение Б. Пастернака «Зима приближается» было создано в октябре 1943 года, в трудный для России период, во время Великой Отечественной войны. Известно, что осенью 1943 года советские войска перешли в наступление на разных фронтах и начали теснить врага к границам СССР и Европы. Это был переломный момент в Великой отечественной войне и, несомненно, в пользу русских войск.

Очевидно, что стихотворение строится на сопоставлении двух планов: исторического и природного, и это неслучайно. Возможно, автор зашифровал в метафорических образах смены времен года этот переломный момент в ходе истории.

Попробуем установить верность данного предположения с помощью более подробного изучения языкового материала стихотворения.

Тема переходности времен года поддерживается в тексте перечислением то образов осени и ненастья (*капризное небо, грязь непроезжая, домишки в озерах очутятся*), то образов зимы (*север строгий, ближайшая метель, росчерки полоза санного, блеск заморозков оловянный*). Эти времена года: осень и зима – находятся в постоянном борении друг с другом,

каждое из них пытается утвердить свои права. Такой взгляд на стихотворение очевиден при первом прочтении текста.

При детальном и последовательном анализе произведения выясняется, что указанная мысль о противоборстве (антитетичности, переходности, переломности) прослеживается на разных уровнях текста.

Рассмотрим фонетический рисунок стихотворения. Очевидные аллитерации первой строфы (повторение звуков *Р* и *Ж,З* (*зима приближается, сизнова, грязи непроезжей, по прихоти, капризного*)), которые в целом можно охарактеризовать как грубые и жесткие, создающие тревожное настроение, смягчаются в дальнейшем все чаще звучащими в тексте сонорными *Л, М, Н* (*люблю, далекие, листанней, прелесть, метелью, рукоделье* и др.). И постепенно тревожные интонации сменяются убаюкивающими, более спокойными, которые усиливаются ассонансами, повторением звуков *А, О* в конце стихотворения. И если во второй строфе ударный звук *У* ассоциативно связывался с гудением ветра в трубах (*очутятся, закурятся, трубы, распутицы, жизнелюбы*), что создавало у читателя некое тревожное настроение и вызывало ощущение неуютности, то в последних трех строфах интонация становится более мелодичной и спокойной.

Более ярко идея переломности, переходности отражается на уровне лексики. За счет эмоционально-окрашенных слов создаются совершенно противоположные настроения: настороженности (ср.: *капризный, непроезжий, холодный, строгий, захолустный, тяжелые, сумерки* и др.), с одной стороны, и умиротворенности, какой-то свежести, с другой стороны (ср.: *задушевнее, прелесть, жизнелюбы, блеск*).

Слова с семантикой цвета (содержащейся прямо или косвенно в структуре лексического значения), вступающие в отношения антонимии, также подчеркивают это противостояние (ср.: *грязь, ночь, черный* и *метель, белый, полоз санный*). И это помогает автору привлечь внимание к идее перехода природы от некоего мрачного состояния к новому, чистому, свежему.

Эмоциональная напряженность создается также за счет противопоставления образов открытого и замкнутого пространства. Эти образы становятся знаками холода, неуютя,

необозримости внешнего мира (*далекие пристани, холодные объятия распутицы, угол медвежий, домишки в озерах очутятся*), с одной стороны, и тепла, защищенности внутреннего пространства дома (*сойдутся к огню жизнелюбы, обитатели, логова*), с другой стороны.

Так, автору с помощью разных средств: фонетических, лексических, изобразительно-выразительных – удастся подчеркнуть в тексте идею переходности, какого-то противостояния, перелома.

Но действительно ли эта идея самоценна? Что становится причиной изменения мрачного настроения на более торжественное и жизнеутверждающее? Что помогло автору с «тяжелых обозов» свое внимание переключить на «блеск заморозков», «росчерки полоза санного»? Ответить на эти вопросы можно при прочтении второго – метафорического – плана стихотворения, т.е. анализа концептуально-содержательного уровня текста.

Тема драматизма в осмыслении бытия поддерживается в тексте гиперболами (*домишки в озерах очутятся*, т.е. будут затоплены проливными дождями; *угол медвежий исчезнет в грязи непроезжей*), эпитетами (*капризное небо, холодные объятия, север строгий, тяжелые обозы*). Если учесть, что стихотворение написано в 1943 году, можно провести параллель между этой мрачной картиной капризной, переменчивой осени и периодом самых трудных для России военных лет.

«Светлые» образы в стихотворении (*книга белая, как рукоделье; блеск заморозков*) ассоциируются с открытием новой страницы нашей истории – переломного этапа в Великой отечественной войне. Эта идея поддерживается центральным образом-символом, вполне традиционным для русской литературы, но столь важным – образом книги, «как будто на середке открытой». И если вначале автор лишь намекает на образ книги, которая чем «чернее и листанней», тем «задушевней» и прелестней, то в пятой строфе он четко дает понять, что эта книга – символ русской истории (ср.: *Россия волшебною книгою...*). Символично и то, что книга открыта «на середке» (событиями военных лет история России исчерпана не будет, у нашей страны есть будущее), и то, что «черная книга» будет писаться заново, т.е. начисто, на-

бело, «ближайшею первой метелью», она будет белой, «как рукоделье».

Метафорический образ книги открывает еще одну тему в данном стихотворении – тему творчества, письма, которая реализуется с помощью образа «нив алфавиты» и выражения, стилизованного под «Повесть временных лет»–«Сим победиши». Это подтверждает идею о непрерывности русской истории, давней литературной традиции.

Немаловажную роль в тексте играют имена собственные. Чайковский, Чехов, Левитан – знаковые имена для русской культуры (музыки, литературы, живописи). Возникает вопрос: зачем Б. Пастернак включает в ткань текста важные культурологические образы русской истории, культуры, литературы (в том числе древнерусской). А также следующие вопросы: зачем поэт рисует образы национального быта (ср.: *сойдутся к огню жизнелюбы, закурятся трубы*), указывает на безграничность русских пространств (ср.: *захолустные логова, далекие пристани*), представляет образы именно провинциальной России с ее непроезжими, размытыми от дождей дорогами, утопающими в грязи и воде домишками, с ее бесконечными полями, далекими деревнями.

Вероятно, автор видит в русских традициях и обычаях, в русской культуре, истории, русской природе залог неиссякаемой жизненной силы, мощи русского национального духа. Неслучайно поэт называет простых людей, жителей русских деревень, жизнелюбами (а это 1943 год!). Становится понятным, почему автор рассказывает нам о начале зимы: он связывает это с наступлением нового периода в развитии русской истории (русские войска будут одерживать победу за победой начиная с осени 1943 года).

В этом смысле поэт указывает еще на одну случайную традицию: зима не раз помогала русскому человеку одержать верх над врагом (Александр Невский во время Ледового побоища победил благодаря непрочному льду, под который проваливались враги в тяжелых доспехах; армия Наполеона буквально была обречена на вымерзание и вынуждена была покинуть территорию нашего государства).

Автор подчеркивает, что сама русская природа, сама русская история и культура словно помогают людям выстоять

в период самых тяжелых испытаний, помогают выжить в этой беспощадной войне, помогают сохранить любовь к жизни.

Интересна организация пространства в стихотворении Б. Пастернака. Автор использует необычный прием сначала сужения, а затем расширения пространства: от медвежьего угла, окраины России, до домашнего очага; затем от логова человеческого, деревни и провинции до «нив» и России в целом. Такой прием позволяет максимально охватить жизненное пространство русского человека, т.е. его дом и страну, которые оказались под угрозой уничтожения.

Идея переходности природных состояний от осеннего к зимнему и переломности истории становится у Б. Пастернака центральной, главной в тексте и прослеживается на разных его уровнях. Это обеспечивает единство текста и целенаправленно утверждает идею уверенности автора в лучшем для России исходе событий Великой отечественной войны, мысль о вере Б. Пастернака в непобедимость России, что заложено самой русской природой, культурой и всем ходом истории.

Использованная модель филологического анализа позволяет последовательно рассмотреть языковые единицы разного уровня с целью выявления их системной организации, направленной на выражение главной идеи произведения, т.е. проанализировать текст с точки зрения единства его формально-содержательных структур.

ЛИТЕРАТУРА

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 140 с.

Бабенко Л. Г., Васильев И. В., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста / Урал. ун-т. Екатеринбург, 2000. 534 с.

Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте / Том. пед. ин-т. Томск, 1994. 112 с.

Васильев С. А. Уровни понимания текста // Понимание как логико-гносеологическая проблема: Сб. научн. тр. Киев: «Наукова думка», 1982. С. 91–122.

Виноградов В. В. К построению теории поэтического языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М. : Academia, 1997. С. 163–178.

Григорьев В. П. Поэтический язык как предмет лингвистической поэтики // Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1979.

Купина Н. А. Лингвистический анализ художественного текста. М. : МГЗПИ, Просвещение, 1980.

Купина Н. А. Опыт системно-смыслового анализа поэтического текста // Слово в системных отношениях. Свердловск, 1975. Вып. 2.

Купина Н. А. Принципы лингвистического анализа художественного текста. Свердловск, 1977.

Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1983.

Купина Н. А. Структурно-смысловой анализ художественного текста. Свердловск: УрГУ, 1981.

Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб: «Искусство-СПБ», 1996.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. , 1970.

Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М. : Изд-во «Ось-89», 1999.

Пищальникова В. А. Проблема лингвоэстетического анализа художественного текста. Учебное пособие / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 1984.

Шанский М. Н. О лингвистическом анализе и комментировании художественного текста // Анализ художественного текста: Сб. статей. М. , 1975. Вып. 1.

Шкловский В. Б. Искусство как прием // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М. , 1997.